
ТЫНЯНОВ И ОПОЯЗ

Е.П. Бережная

Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
ул. Восход, 15, Новосибирск, Россия, 630200

Статья посвящена вопросу исследования методологии Ю.Н. Тынянова вне опоязовской парадигмы. Словоцентризм русской культуры наглядно и ощутимо проявляется в магии слова ОПОЯЗ — общества ученых, ставящих своей целью отыскание и рассмотрение формальных законов преимущественно поэтического языка. И В. Шкловский, и Б. Эйхенбаум научное построение истории литературы мыслили в рамках словоцентрической традиции. Это потребовало от них недвусмысленного взаимодействия с существующим режимом. Случай Тынянова нетипичен для российского общества. Сделав предметом исследования литературу и то, что больше всего любил в ней, — поэзию, стихи, он не полагался на искусство слова только; его выход за пределы филологического поля был уходом от тех форм выражения, которые являлись идеологическим субстратом культуры, к внесловесным интуициям, поскольку последние не отягощены системой риторических правил и в большей степени способны к созданию нового и более свободного взгляда на мир.

Ключевые слова: русский формализм, ОПОЯЗ, словоцентрическая традиция, Ю. Тынянов, В. Шкловский, Б. Эйхенбаум, динамическая теория литературы, энергия формы

Словоцентризм русской культуры (кроме очевидного всеобщего ареала) наглядно и ощутимо проявляется в магии слова ОПОЯЗ — названии общества ученых, ставящих своей целью отыскание и рассмотрение формальных законов преимущественно поэтического языка. ОПОЯЗ не имел постоянного состава участников, зафиксированной географической и организационной структуры, неизменным в обществе оставался его «триумвират» в лице Виктора Шкловского, Бориса Эйхенбаума и пришедшего несколько позже Юрия Тынянова. Каждый из них связывал с ОПОЯЗом определенные (а в случае с Эйхенбаумом кардинальные) изменения своего жизненного и профессионального кредо. Так, в письме к Виктору Жирмунскому от 19 октября 1921 г. Эйхенбаум пишет: «Ты напоминаешь мне всю историю нашей работы и доказываешь, что роль Опояза незначительна. О себе я говорю прямо: я понял, что значит формальный метод, только тогда, когда стал работать в Опоязе... Для меня несомненно, что Опояз, и в частности — Шкловский, сыграли в твоей научной работе очень большую роль. Но с другой стороны, ты не пережил никакого перелома — это верно, и здесь-то мы с тобой и разошлись... Моя статья о “Шинели” Гоголя — вот момент перелома. И только с этих пор я считаю начало работы по “формальному” методу» [7. С. 313—314]. Похожую намеренно сильную оценку обществу дает Тынянов: «Работы Жирмунского, Гуковского, Шимкевича, при их разности, считал и считаю работами враждебными ОПОЯЗу, враждебными тому направлению, которое я считаю главным делом своей жизни» [Цит. по: 8. С. 148]. Основатель ОПОЯЗа Виктор Шкловский в одном из ранних манифестов формализма «Воскрешение слова» (1914) свою

свежевдуманную позицию обращает на тектонические сдвиги культуры и мироустройства: «...мы потеряли ощущение мира; мы подобны скрипачу, который перестал осязать смычок и струны, мы перестали быть художниками в обыденной жизни, мы не любим наших домов и наших платьев и легко расстаемся с жизнью, которую не ощущаем. Только создание новых форм искусства может вернуть человеку переживание мира, воскресить вещи и убить пессимизм» [15. С. 40]. 100-летняя история русского формализма и его влияние на мировую гуманитарную мысль свидетельствуют о том, что «поиски оптимизма» в деле создания научной поэтики увенчались успехом.

Словотворческие интенции Шкловского, провозглашенные в первом опоязовском манифесте, связаны с тем магическим воздействием формы, присутствие которой обнаруживает ее энергетическое поле. Для достижения необходимого эстетического эффекта достаточно сосредоточиться на механизмах и приемах, увеличивающих долготу переживания. «Целью искусства является дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием “отстранения” вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как восприимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен; *искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве не важно*» [16. С. 15]. (Здесь и далее курсив в цитатах принадлежит авторам цитируемых текстов.) И в раннем «Воскрешении слова», и в знаменитом «Искусстве как приеме» — двух знаковых работах ОПОЯЗа — Шкловский уверенно сопоставляет форму и глубинные сферы человеческой психики.

Диктатура ОПОЯЗа в 1920-е гг. была закономерным следствием быстро меняющейся социокультурной ситуации с неизбежным пафосом борьбы за свободу и новые формы в искусстве. Отметим здесь и выстроенную формалистами генеалогию, указывающую на генеративный фактор революционных преобразований. (Ср. у Тынянова в «Автобиографии»: «Если бы у меня не было моего детства — я не понимал бы истории. Если б не было революции — не понимал бы литературы» [9. С. 19].) За отчетливо проведенной темой истории в текстах Шкловского, Эйхенбаума и Тынянова — почти маниакальная сосредоточенность ОПОЯЗа на себе, исключавшая потенциальных наследников формалистской теории. (Ср. из письма Эйхенбаума Шкловскому от 25 июня 1925 года: «Мы трое так крепко спаяны историей, что нам не до возражений». И ответ Шкловского: «Твои опасения неправильны: я не гений. Юрий тоже не гений: он прислал мне сегодня милое хорошее письмо о тебе. Если ты тоже не гений, то все благополучно... А гении мы сообщаем» [6. С. 188, 189].) В этом же письме от 25 июня Эйхенбаум отмечает появившуюся у него «тоску по биографии», симптоматически реагируя на изменения социально-политического климата: «Никому сейчас не нужна не только история литературы и не только история, но и самая “современная литература”: сейчас нужна только личность. Нужно человека, который строил бы свою жизнь» [6. С. 189]. Вопрос жизнестроения для Шкловского и Эйхенбаума во второй половине 1920-х гг. оказался тем самым ключевым моментом, при котором, делая шаг вперед на пути к созданию новой науки, необходимо сделать два шага назад.

В «первый боевой период» ОПОЯЗ, отличавшийся известными радикальными установками, сохранял подобие научной группы, блестяще корректируя свои цели

в угоду личным привязанностям и взаимному расположению. «Кризисы формалистов», имея самое разное происхождение, как и идеологически мотивированное распадение общества, неизбежно ослаблялись в атмосфере неразрушимого братства между тремя главными опоязовцами. Может быть, эта сторона активационных отношений сыграла не последнюю роль в попытке восстановить ОПОЯЗ в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и вместе с тем научно-теоретическую работу, несмотря на неблагоприятно сложившуюся вокруг формализма обстановку.

Общую картину умонастроений формалистов в связи с необходимостью возобновить ОПОЯЗ в 1928 г. определили знаменитые «пражские» тезисы Тынянова—Яacobсона «Проблемы изучения литературы и языка». Для Тынянова тезисы стали последней методологической работой и в то же время своеобразным гимном уходящему на периферию научного мейнстрима формализму, на реставрацию которого он смотрел с глубоким пессимизмом. Реанимационные работы по «оживлению» ОПОЯЗа в конце 1920-х гг. не могли осуществиться без учета абсолютно для формалистов правила: любить ОПОЯЗ и коллективное творчество больше, чем себя и свое личное дело. (Ср. из письма Шкловского Яacobсону от 16 февраля 1929 г.: «За границей жизнь может пройти, как Азорские острова. Мы имеем свою ответственность перед временем... Я, хотя мне было гораздо труднее, решился и не раскаиваюсь. Пишу я тебе это не потому, что тебя люблю, а потому, что люблю ОПОЯЗ больше, чем нас обоих» [3. С. 128].) Оптимизм Шкловского по поводу *коллективного* ОПОЯЗа, закрепленный в риторической форме письма, к возрождению общества не имел прямого отношения, поскольку жизнь Шкловского и Эйхенбаума со второй половины 1920-х гг. ушла «в сторону от формализма» с его доминирующей ролью искусства в эволюции человека. Сложившиеся к этому времени научные практики опоязовцев коренным образом отличались от той коллективной рефлексии, о которой они громко и настойчиво заявляли в самом начале своей исследовательской работы.

Но случались уходы и более крупного плана: экзистенциально-онтологические, такие, что заставляют на исходе своих сил вновь оглянуться на ушедшую жизнь и признаться в том, что жизнь на самом деле была «неправильной». И неслучайно Шкловский, проводя со свойственным ему темпераментом ревизию собственной жизни, утешается одержимым опоязовской эпохой состоянием: «Господи боже мой, не продлевай моих дней, дай ветер в парус и веселую волну. Дай крен лодке. Как я люблю ушедшую жизнь. Не взлетевшие самолеты мечты. Сколько их было придумано» [17. С. 294].

В отличие от Шкловского, образующего с ОПОЯЗом прочную синонимическую пару, подобное утверждение о Тынянове звучит с известной долей натяжки. Приходу Тынянова в ОПОЯЗ предшествовали его дружеские отношения с Эйхенбаумом и Шкловским. Как отмечает составитель и комментатор академического издания трудов Тынянова А.П. Чудаков, «внутри Опояза научным интересам Тынянова отвечали прежде всего тенденции к построению теоретически обоснованной истории литературы» [12. С. 506]. Принципиальное различие между Тыняновым и его ближайшими соратниками по ОПОЯЗу заключалось в том, что у Шкловского и Эйхенбаума поиск и анализ законов литературного мастерства

опирались на искусство *слова* прежде всего. Несмотря на схожесть «словесной походки» среди формалистов, свое оптимальное выражение она обретает в творчестве Шкловского. (См. в записях Лидии Гинзбург: «Так много записываю о Шкловском не потому, что он самый интересный из людей, с которыми встречаюсь, но потому, что самый законченно словесный» [4. С. 397].) Его книга «О теории прозы» (1983), куда помимо прочего вошли переизданные работы 1929 г., насквозь пропитана апологией слова, а замечательные «Письма внуку» могут служить выразительной формой представления о Шкловском как о человеке «самом законченно словесном». Для Шкловского, обладавшего острым историческим чутьем и умением выстроить свою жизнь «в направлении ветра», отпадение от слова означало неминуемую смерть.

Среди формалистов-радикалов Тынянов занимает особое положение как ученый, впервые обративший внимание на структуры, которые не могли быть описаны лингвистическим способом, причем интерес к таким структурам был устойчивым на протяжении всего научного поиска Тынянова. (Ср. из более поздней статьи «О Маяковском. Памяти поэта» (1930): «Для поколения, родившегося в конце девятнадцатого века, Маяковский не был новым зрением, но был новой волей... Волевая сознательность была не только в его стиховой работе, она была в самом строе его поэзии, в его строках, которые были единицами скорее мускульной воли, чем речи, и к воле обращались» [11. С. 196].) Его первая опубликованная работа «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» вышла в серии «Сборники по теории поэтического языка», издаваемой ОПОЯЗом, в 1921 г. Предложенный Тыняновым в самом начале статьи принцип динамического подхода внес существенные коррективы в опоязовское понимание искусства как статической сумме приемов. «Когда говорят о “литературной традиции” или “преемственности”, обычно представляют некоторую прямую линию, соединяющую младшего представителя известной литературной ветви со старшим. Между тем дело много сложнее. Нет продолжения прямой линии, есть скорее отправление, отталкивание от известной точки — борьба» [10. С. 198]. Зарождая динамическую теорию литературы, Тынянов апеллировал, в том числе, и к несловесным, нелингвистическим формам, способным оказывать мощное эмоциональное воздействие. (Ср.: «Достоевский... строил свое чтение на контрасте интонаций... Эта особенная роль контрастных интонаций и позволяла, должно быть, Достоевскому *диктовать* свои романы» [10. С. 207—208].) Для тыняновского динамизма характерно обращение к контрасту, предполагающему сопоставление разных планов. Еще в пушкинском семинарии С.А. Венгерова при обсуждении доклада П.Д. Драганова «Стихотворения Тютчева и Пушкина о бессоннице» 5 ноября 1915 г. Тынянов сравнивает двух поэтов на контрастном противополжении: «в стихотворении Пушкина — вопросы жизни, в стихотворении Тютчева — кошмар всемирной смерти» [13. С. 101].

В семинарии Венгерова берут начало основные историко-литературные темы Тынянова, которыми он занимался впоследствии всю жизнь, такие как Пушкин, Тютчев, Гейне, пушкинская эпоха. Подготовленная в качестве доклада на семинаре «Ода его сиятельству графу Хвостову» предопределила интерес Тынянова к

пародии, ставшей для него отдельной областью исследования. Итогом работы Тынянова в Венгеровском семинарии стала обширная монография «Архаисты и Пушкин» — новое, не связанное с классицистическим и романтическим делением, исследование пушкинской эпохи. В анализе пушкинской поэтики Тынянов актуализирует те факторы, взаимодействие которых между собой образует напряженное энергетическое поле. В более поздней статье «Пушкин» (1928) Тынянов особо выделит *энергетическое* составляющее пушкинских стиховых конструкций.

Ко времени прихода в ОПОЯЗ Тынянов был уже вполне сложившимся ученым со своим определенным кругом тем и со свойственным ему оригинальным подходом. Его новаторские и по преимуществу революционные идеи, выросшие на материале творчества Пушкина, внесли неоценимый вклад в гуманитарную науку XX в. И думается, еще не скоро перепишут тыняновскую концепцию «Евгения Онегина», исходным постулатом которой является «единство и теснота стихового ряда», а не события.

Борис Эйхенбаум одним из первых предложил, интерпретируя творчество Тынянова, учитывать опыт негуманитарных направлений: «его микроскопический анализ тем и замечателен, тем и необычен, что он умеет извлекать из него выводы очень большого значения... Он в этом смысле занимает в литературоведении совершенно особое место — как зачинатель особого отдела науки, чего-то вроде теоретической физики» [18. С. 390]. Проницательность Эйхенбаума закрепила особое положение Тынянова внутри формальной школы, в том числе и как исследователя-гуманитария, открытого к естественнонаучным знаниям. Тынянову была доступна неизвестная для «чистого» гуманитария с его претензией на всеохватность слова *энергия формы*, взаимодействие с которой расширяло представление о существующем вне словесной оболочки мире. Исключительно развитая интуиция Тынянова позволяла ему свободно и неумолимо перемещаться по многообразным улочкам невербального мира. (Ср. у Л. Гинзбург: «Все, не выраженное в слове (вслух или про себя), не имеет для меня реальности, вернее, я не имею для него органов восприятия» [5. С. 84].)

Текст Тынянова (и в первую очередь научный) предельно динамичен, энергичен и конкурентоспособен лучшим образцам словесного искусства. Его главная теоретическая книга «Проблема стихотворного языка» читается как *большое лирическое стихотворение*, образуя коррелят стихотворному роману Пушкина [1]. Текст «Онегина» напоминает сон (ср.: «все, что происходит в “Евгении Онегине”, подчиняется неформулируемому и неписаному “правилам” сновидения и жанровым координатам “хорошо записанного сна”» [14. С. 46]), и его сновидная форма подтверждается множественными коннотациями этого мотива. Гораздо сложнее и интереснее иметь дело с текстами, предполагающими реальность, в языковой системе не фиксируемую. Вот почему тыняновская идея эквивалентности текста не была поддержана формалистами. И Шкловский, и Эйхенбаум научное построение истории литературы мыслили в рамках словоцентрической традиции. Это потребовало от них недвусмысленного взаимодействия с существующим режимом [2].

Случай Тынянова нетипичен для российского гуманитарного сообщества. Следов предметом исследования литературу и то, что больше всего любил в ней, — поэзию, стихи, он не полагался на искусство слова только; его выход за пределы филологического поля был уходом от тех форм выражения, которые являлись идеологическим субстратом культуры, к внесловесным интуициям, поскольку последние не отягощены системой риторических правил и в большей степени способны к созданию нового и более свободного взгляда на мир.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бережная Е.П.* Онегинский слой в «Проблеме стихотворного языка» Ю.Н. Тынянова // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Литература. 2009. № 4. С. 152—155.
- [2] *Бережная Е.П.* Поэтика и политика в условиях советского проекта (к политической позиции русских формалистов) // Критика и семиотика. Новосибирск-Москва, 2016. № 1. С. 180—204.
- [3] Виктор Шкловский и Роман Якобсон. Переписка (1922—1956). Предисловие, подготовка текста и комментарии А.Ю. Галушкина // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования / отв. ред. Х. Баран, С.И.Г индин. М.: РГГУ, 1999. С. 104—136.
- [4] *Гинзбург Л.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе / вступит. ст. А.С. Кушнера. СПб.: Искусство-СПб., 2011. 768 с.
- [5] *Гинзбург Л.* Записи 1920—1930-х годов // Гинзбург Л. Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. Л.: Сов. писатель, 1989. С. 4—183.
- [6] Из переписки Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума с В. Шкловским / публ. и комментарии О. Панченко // Вопросы литературы. 1984. № 12. С. 185—219.
- [7] Переписка Б.М. Эйхенбаума и В.М. Жирмунского / публикация Н.А. Жирмунской и О.Б. Эйхенбаум; вступительная статья Е.А. Тоддеса; примечания Н.А. Жирмунской и Е.А. Тоддеса // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1988. С. 256—330.
- [8] *Савицкий С.* Спор с учителем: начало литературного/исследовательского проекта Л. Гинзбург // Новое литературное обозрение. 2006. № 82. С. 129—155.
- [9] *Тынянов Ю.* Автобиография // Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи. М.: Молодая гвардия, 1966. С. 9—20.
- [10] *Тынянов Ю.Н.* Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 198—227.
- [11] *Тынянов Ю.Н.* О Маяковском. Памяти поэта // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 196.
- [12] *Чудаков А.П.* Комментарии к «Предисловию к книге “Проблема стиховой семантики”» // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 501—507.
- [13] *Чудакова М.О., Тоддес Е.А.* Тынянов в воспоминаниях современника // Тыняновский сборник. Первые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1984. С. 78—105.
- [14] *Чумаков Ю.Н.* Сны «Евгения Онегина» // Сибирская пушкинистика сегодня: сб. науч. ст. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2000. С. 33—46.
- [15] *Шкловский В.* Воскрешение слова // Шкловский В. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914—1933) / сост. А.Ю. Галушкин и А.П. Чудаков; предисл. А.П. Чудакова; коммент. и подгот. текста А.Ю. Галушкина. М.: Сов. писатель, 1990. С. 36—42.
- [16] *Шкловский В.* Искусство как прием (1917) // Шкловский В. О теории прозы. М.: Сов. писатель, 1983. С. 9—26.
- [17] *Шкловский В.* Письма внуку / вступ. заметка и публ. Н. Шкловского-Корди, комментарии Н. Бялосинской // Вопросы литературы. 2002. № 4. С. 264—301.
- [18] *Эйхенбаум Б.М.* Творчество Тынянова // Эйхенбаум Б.М. О прозе: сб. ст. Л.: Худ. лит., 1969. С. 380—423.

TYNYANOV AND OPOYAZ

E.P. Berezhnaya

State Public Scientific and Technical Library
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
av. Voskhod, 15, Novosibirsk, Russia, 630200

The article deals with the research of Yu. Tynyanov's methodology regardless of the OPOYAZ paradigm. Slovostrizim (the dominant role of the word in human consciousness) of the Russian culture is clearly and tangibly manifested in the magic of OPOYAZ word, meaning a society of researchers aiming to find and examine the formal laws of prevalently poetic language. Both I.Shklovsky and B. Eyhenbaum considered the scientific historical construction of literature in terms of slovostrizim tradition. Therefore, their coordinated cooperation with the existing regime was required. The Tynyanov's case is not typical for the Russian society. Having made literature and what he most loved in it — poetry, poems the subject of research, he did not rely on the art of a word only. His overflow from the field of philology was the departure from those forms of expression, which considered to be an ideological substratum of culture, to nonverbal intuitions, as the latter are not burdened by the system of rhetorical rules and are better able to create a new and more free world view.

Key words: Russian formalism, OPOYAZ, slovostricheskaya tradition, Yu. Tynyanov, V. Shklovsky, B. Eyhenbaum, dynamic theory of literature, the form energy

REFERENCES

- [1] Berezhnaya E.P. Oneginskiy sloz v «Probleme stihotvornogo yazyika» Yu.N. Tyinyanova [Onegin's Layer in Yu.N. Tynyanov's «The problem of Poetry Language»]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Literatura [Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Series: Literature]*. 2009, no 4, pp. 152—155.
- [2] Berezhnaya E.P. Poetika i politika v usloviyah sovetskogo proekta (k politicheskoy pozitsii russkikh formalistov) [Poetics and policy under the conditions of Soviet project (to the political position of the Russian formalists)]. *Kritika i semiotika [Critics and semiotics]*. 2016, no 1, pp. 180—204.
- [3] Viktor Shklovskiy i Roman Yakobson. Perepiska (1922—1956) [Victor Shklovsky and Roman Yakobson]. Roman Yakobson: Teksty, dokumenty, issledovaniya [Roman Yakobson: Texts, documents, researches], Moscow, 1999, pp. 104—136.
- [4] Ginzburg L. Zapisnye knizhki. Vospominaniya. Esse [Notebooks. Memories. Essays]. SPb.: Iskustvo-SPb., 2011, 768 p.
- [5] Ginzburg L. Zapisi 1920—1930-h godov [Records of 1920—1930]. Ginzburg L. Chelovek za pismennym stolom [The man behind the desk]. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ., 1989, pp. 4—183.
- [6] Iz perepiski Yu. Tyinyanova i B. Eyhenbauma s V. Shklovskim [From the correspondence and Yu. Tynyanov and B. Eyhenbaum with V. Shklovsky]. *Voprosy literatury [Russian Studies in Literature]*. 1984, no 12, pp. 185—219.
- [7] Perepiska B.M. Eyhenbauma i V.M. Zhirmunskogo [Correspondence of B.M. Eyhenbaum and V.M. Zhirmunsky]. *Tyinyanovskiy sbornik. Treti Tyinyanovskie chteniya* [Tynianov's collection. Third Tynianov's readings]. Riga: Zinatne, 1988, pp. 256—330.
- [8] Savitskiy S. Spor s uchitelem: nachalo literaturnogo/issledovatel'skogo proekta L. Ginzburg [Dispute with the teacher: the beginning of a literary/research project L. Ginzburg]. *Novoe literaturnoe obozrenie [The new literary observer]*. 2006, no 82, pp. 129—155.
- [9] Tyinyanov Yu. Avtobiografiya [Autobiography]. Yuriy Tyinyanov. Pisatel i ucheniy. Vospominaniya. Razmyishleniya. Vstrechi [The writer and scholar. Memories. Thoughts. Meetings]. Moscow, 1966, pp. 9—20.

- [10] Tyinyanov Yu.N. Dostoevskiy i Gogol (k teorii parodii) [Dostoevsky and Gogol (to the theory of parody)]. *Tyinyanov Yu.N. Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 198—227.
- [11] Tyinyanov Yu.N. O Mayakovskom. Pamyati poeta [About Mayakovsky. In Poet's memory]. Tyinyanov Yu.N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka Publ., 1977, p. 196.
- [12] Chudakov A.P. Kommentarii k «Predisloviyu k knige “Problema stihovoy semantiki”» [Comments to the «Preface to the book “The problem of poetic semantics”»]. *Tyinyanov Yu.N. Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 501—507.
- [13] Chudakova M.O., Toddes E.A. Tyinyanov v vospominaniyah sovremennika [Tynyanov in the memoirs of contemporaries]. *Tyinyanovskiy sbornik. Pervyye Tyinyanovskie chteniya* [Tynyanov's collection. Tynyanov's First readings]. Riga: Zinatne, 1984, pp. 78—105.
- [14] Chumakov Yu.N. Sny «Evgeniya Onegina» [Dreams of “Eugene Onegin”]. *Sibirskaya pushkinistika segodnya* [Siberian Pushkin studies today]. Novosibirsk, 2000, pp. 33—46.
- [15] Shklovskiy V. Voskreshenie slova [Resurrection of word]. Shklovskiy V. *Gamburgskiy schet: Stati — vospominaniya — esse (1914—1933)* [Objective evaluation: Articles — memoirs — essays (1914—1933)]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ., 1990, pp. 36—42.
- [16] Shklovskiy V. Iskusstvo kak priem (1917) [Art as a technique (1917)]. Shklovskiy V. *O teorii prozyi* [About theory of prose]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ., 1983, pp. 9—26.
- [17] Shklovskiy V. Pisma vnuku [Letters to Grandson]. *Voprosy literatury* [Russian Studies in Literature]. 2002, no 4, pp. 264—301.
- [18] Eyhenbaum B.M. Tvorchestvo Tyinyanova [Tynyanov's writings]. Eyhenbaum B.M. *O proze* [About prose]. Leningrad: Hudozhestvennaya literature [Artistic Literature], 1969, pp. 380—423.